

Едва закончился последний урок, Ли Жун, бросив Линь Циня и Цзянь Фу, увел Цэнь Сяо в небольшой вьетнамский ресторан.

Интерьер заведения был продуман до мелочей: на втором этаже располагались уютные кабинки, отгороженные от общего зала тяжелыми занавесками. Каждая была рассчитана максимум на четверых — массивный деревянный стол, плетеные кресла-качели, а прямо над ними висела лампа, источающая приглушенный, золотисто-желтый свет. Это мягкое сияние не слепило, а нежно обволакивало пространство, из-за чего со стороны кабинка казалась погруженной в приятный полумрак.

На столе в небольшом горшочке рос суккулент. Еще до того, как принесли основные блюда, официант поставил перед ними графин с водой, настоянной на огурце и лимоне.

Цэнь Сяо провел пальцами по поверхности стола и, убедившись в его безупречной чистоте, вытер руки влажной салфеткой.

— С чего вдруг вьетнамская кухня?

Он полагал, что Ли Жун, решив отпраздновать его день рождения, выберет что-то более привычное для него — например, острые сычуаньские блюда или хого. Вьетнамская еда в городе А всё еще считалась экзотикой, и действительно хороших ресторанов было напереперечет.

Ли Жун вольготно откинулся на спинку кресла, уперся ногой в край стола и слегка оттолкнулся, заставляя качели мерно раскачиваться. Видимо, мебель здесь была не самой новой: несмотря на небольшой вес юноши, крепления отозвались негромким характерным скрипом.

— Разумеется, потому что мне нравится такая легкая пища, — с обезоруживающей честностью улыбнулся он.

Цэнь Сяо опустил локти на стол, внимательно и спокойно глядя на собеседника. Ли Жун был в длинном белом пальто; пуговицы были расстегнуты, открывая однотонную футболку. На первый взгляд его наряд подозрительно напоминал лабораторный халат исследователя.

Его взгляд скользнул выше, на мгновение задержавшись на изящном выступе кадыка Ли Жуна, и губы тронула усмешка:

— У меня сегодня день рождения, а ты совсем не скромничаешь.

Впрочем, он и не думал возражать. Цэнь Сяо давно привык подстраиваться под вкусы

старосты, к тому же рацион того был куда здоровее его собственного. Ему даже нравилось это милое бесстыдство — в такие моменты человек перед ним казался особенно живым, ярким и свободным от любых условностей.

Парень лишь промолчал в ответ, продолжая лениво качаться. Мягкие пряди волос двигались в такт его движениям. Он закинул руку на спинку кресла, рассеянно постукивая по ней пальцами.

Вскоре официант подал первое блюдо. Это была тарелка с яркими, искусно разложенными ингредиентами для спринг-роллов. По традиции гость должен был сворачивать их сам: смочить рисовую бумагу водой, а когда та станет мягкой, выложить внутрь свежую креветку, пряные травы, зелень и свернуть тугой ролл, чтобы затем обмакнуть его в соус.

Цэнь Сяо задумчиво уставился на тонкие листы рисовой бумаги. Ли Жун же внезапно замер, остановив качели. Его взгляд дрогнул, когда он посмотрел на спутника.

— Кажется, я еще не поздравил тебя. С днем рождения.

Горло Цэнь Сяо сдавило, ладони мгновенно стали влажными. Слово «день рождения» редко ассоциировалось в его жизни с чем-то приятным. В глубоком детстве он даже не подозревал, что этот день нужно как-то отмечать. Лишь повзрослев и увидев, как устраивают вечеринки другие дети, он осмелился спросить у Цэнь Цина и Сяо Мужань, почему у него всё иначе.

Тот вопрос стал искрой, упавшей в бочку с порохом. Давно подавляемая ярость матери вырвалась наружу. Вместо ответа она разразилась очередным скандалом с отцом. Даже когда образованные люди выясняют отношения, не повышая голоса, это оставляет тяжелый след. Мальчик стоял в стороне, глядя на охваченных гневом родителей, и кожей чувствовал привычную душливую атмосферу, царившую в их огромном особняке.

Никто не вспомнил, что сегодня его праздник. В этом доме его рождение вообще не считали поводом для радости. После долгих взаимных упреков и оскорблений родители разошлись по своим комнатам, хлопнув дверями, и не показывались до самого вечера.

Он считал, что повзрослел рано. Он быстро осознал правила игры в своей семье. Того единственного раза хватило, чтобы понять: день рождения имеет смысл лишь для тех детей, чье появления на свет искренне ждали.

Но даже самому рассудительному человеку трудно избавиться от теней прошлого. И Цэнь Сяо не был исключением. Из года в год, когда наступала эта дата, его неизменно накрывало волной раздражения и необъяснимой неприязни. Дышать становилось трудно, словно он снова оказывался в той гостиной, а в ушах эхом отдавались крики, плач и звон бьющейся посуды. Сумрачный зал, пустая кухня, капающий кран — эти мелочи обступали его со всех сторон, тяжелым камнем ложась на сердце.

Нужно было просто перетерпеть этот день. Завтра Сяо Мужань и Цэнь Цин снова станут «нормальными»: влиятельным председателем торговой палаты и почтенным историком, знатоком древностей.

Он наконец понял: ненавидели они не друг друга, а сам факт его существования.

Он изо всех сил старался подавить подступившую желчь, сохраняя перед Ли Жуном невозмутимый вид. Он наполнил стакан водой с лимоном и огурцом и жадно выпил его почти до самого дна. Ледяная влага обожгла пищевод и немного остудила жар в груди. Он давно не чувствовал себя таким подавленным, но всё же выдавил подобие улыбки:

— Спасибо. Приятно, что ты помнишь.

Ли Жун считал себя проницательным человеком. Он был достаточно умен, чтобы видеть чужую фальшь, но в случае с Цэнь Сяо его интуиция раз за разом давала сбой. Как и в прошлой жизни, когда на протяжении двух лет он упускал из виду истинные чувства этого человека. Или же он видел их, но просто не хотел верить глазам.

Юноша поджал губы и, опустив глаза, зачерпнул воду листом тростника, окропляя тонкую, как крыло цикады, рисовую бумагу. Дождавшись, когда она размякнет, он аккуратно выложил начинку и бережно свернул спринг-ролл. Сквозь полупрозрачную кожицу просвечивало яркое наполнение. Стоило лишь окунуть его в золотистый соус, и любой бы почувствовал, как просыпается аппетит.

Это было именно то, что он любил больше всего.

«Почему же в ту ночь я не заметил? — Ли Жун смотрел на еду. — То, что принес Цэнь Сяо, было именно по моему вкусу»

В ту ночь Цэнь Сяо не пытался заставить его праздновать. Он просто поверил его лжи про сверхурочную работу и, зная о вечных проблемах Ли Жуна с желудком, побоялся, что тот останется голодным. Поэтому и привез ему поздний ужин. Спринг-роллы — идеальный выбор, они не теряют вкуса, даже если немного остынут. Цэнь Сяо был готов ждать его за накрытым столом сколько угодно.

Даже будучи пьяным до беспамятства, он продолжал так заботиться о нем. Оказывается, те ночи, от которых Ли Жун мечтал сбежать, для Цэнь Сяо имели совсем иной, драгоценный смысл.

Староста внезапно поднялся, выбрался из кресла и подошел к Цэнь Сяо. Положив правую руку на стол, а левой опершись на спинку его сиденья, он тихо произнес:

— Смотри: вот спринг-роллы, вот мягкий свет лампы. За окном темнота, уличные фонари

светят тускло, а прохожих почти нет, потому что мы не в самом оживленном квартале.

Всё было почти так же, как в ту самую ночь.

Он замолчал; его веки дрогнули, а кадык едва заметно дернулся.

— Сегодня твой день рождения. И я проведу его с тобой.

С этими словами он сжал плечо Цэнь Сяо, опустился одним коленом на его качели и, подавшись вперед, накрыл его губы своими. Он словно вернулся в то прошлое, но на этот раз не стал отталкивать захмелевшего Цэнь Сяо. Он подарил ему этот запоздалый, но по-настоящему счастливый праздник.

Прохладный ветерок колыхнул занавески, а мягкий свет вытянул на полу их тесно переплетенные тени. В тот миг, когда Цэнь Сяо почувствовал нежное дыхание Ли Жуна, его мышцы напряглись, а ладони стали жаркими и влажными. Поцелуй Ли Жуна был на удивление бережным, но совсем не робким. Он медленно очерчивал контур губ собеседника, дразня и упоенно контролируя каждый вдох. Их ресницы переплелись; легкий ветерок шевелил пряди волос, и в золотистом сиянии лампы на их лицах дрожали причудливые блики.

Качели не выдержали веса двоих и жалобно закрипели, угрожая потерять равновесие. Ли Жуну пришлось перенести весь вес на плечи Цэнь Сяо, крепко обхватив его за шею.

— Поцелуй меня, — приказал Ли Жун, зажмурившись и уткнувшись лбом в лоб Цэнь Сяо. В его голосе звучало нетерпение.

<http://bllate.org/book/15351/1433840>